

Хочу быть полезным

номер дополнительную нотку — нотку стопроцентной трезвости. Чистым юношеским голо- сом я восклицал: «А мне молока! Хочу мо- лока!»

— Молока? — с пол- нейшей готовностью оборачивался в мою сторону конферан- сье. — Весьма похва- лно! В вашем возрасте

иного и не требуется!

Аркоф тут же приготавлял моло- ко, партнерша с ласковым возгла- сом «О бэби!» подносила мне белую жидкость. На вкус она бы- ла горьковатой, отдавала химией, но преданность цирку превозмога- ла все, мужественно осушал я бо- кал до дна.

И еще раз — в том же сезоне — выпала мне честь находиться в «подсадке». На этот раз во время выступлений замечательного жонг- лера Максимилиано Труцци. У то- го самого Максимилиано, который изумлял на репетициях самых искушенных, выдавших виды арти- стов. У того, который, отрепетиро- вав кряду пять-шесть часов, затем выбегал на манеж, пленяя удиви- тельной легкостью. Максимилиано был не только легок, но и красив — обжигающий жар черных глаз, сверкающая белозубая улыбка, безупречное сложение. Он был ко- ролем мячей, дрессировщиком, ук- ротителем их резиновой плоти. Из любого, самого трудного положе- ния мячи беспрекословно возвра- щались на палочку-зубник.

Особенно трудными были мячи, кинутые горизонтально, почти что вровень с землей. Максимилиано брал и их, кидаясь плашмя на ма- неж, подставляя палочку навстре- чу катящемуся мячику. Однако не каждый из зрителей мог догадать- ся, что именно так надо кинуть мяч. Вот почему это было довере- но мне. Кстати, иногда за это до- верие приходилось расплачиваться.

Однажды, едва закончилось представление, дорогу мне прегра- дил один из зрителей — солидный, с профессорской бородкой:

— Стыдитесь, юноша! Так моло- ды, а уже позволяете себе. Гадость хотели учинить артисту? Коварно, чрезвычайно коварно кинули мяч! Все более распаляясь, мужчина продолжал меня распекать, зрите- ли, окружив нас, дружно ему под- дакивали, а я... Мне ничего друго- го не оставалось, как безропотно молчать, глотая обиду.

Когда же на следующий день я поделился ею с Герцогом, он с неизменной патетичностью вос- кликнул:

— Заблуждаетесь! Жестоко за- блуждаетесь, молодой человек! Не огорчаться вам следует, а гордить- ся, радоваться! Возмущение зрите- ля в данном случае означает лишь одно: то, что вы вполне успешно справились со своей ролью. Это раз. А во-вторых... Вы помогли цирковому искусству. Опять Мак- симилиано смог взять труднейший, рекордный, красивейший мяч!

ковые секреты, отвечу лишь одно: без нее зачастую не обойтись. Очень часто в зале до зарезу нуж- жен свой человек.

Надо ли добавлять, что я без малейших колебаний принял пред- ложение Герцога.

Вскоре приехал немецкий артист Ганс Рерл (в те годы в цирковых программах еще преобладали иностранные артисты). Средних лет, среднего роста. Не только су- хощавый, но и ссохшийся. Не только бледный, но и выцветший. При нем жена и дочка лет десяти. Обе печальные, молчаливые, точно в воду опущенные.

Кстати сказать, к номеру Рерла вода имела самое непосредственное отношение. Номер так и называл- ся: «Человек-фонтан». Рерл выпи- вал — кружка за кружкой — де- сять литров воды, а затем изливал ее то в виде фонтанчика, то на- подобие душа, то струей, похожей

О-ля-ля! Стоит ли пить воду, ко- да на свете столько различных вин и ликеров?!.. Уважаемые зрители! Я приглашаю вас разделить комп- анию. Пожалуйста, закажите лю- бой напиток: мадеру, малагу, портвейн, бенедиктин, кюрасо — все, что вам угодно!

Вооружившись графином с во- дой, Аркоф наполнял высокие, только что тщательно протертые бокалы; его партнерша, ангельски улыбаясь, разносила бокалы за- казавшим, и каждый мог убедить- ся: действительно малага! Дейст- вительно кюрасо!

Чуть ли не весь шар земной объехал Аркоф со своим иллю- зионным номером. А вот здесь, в Ленинградском цирке, чуть не оборвались его гастроли.

Дело в том, что в ту пору, в конце двадцатых годов, существо- вало общество борьбы с алкого- лизмом. «Позор! Неслыханно! — вскричали активисты общества, по-

ПИСАТЕЛЬ Александр Бартэн, автор рома- нов «Творчество» и «Театр поднимает занавес», работает сейчас над новой кни- кой — романом «Тринадцать метров манежа», посвященным будням советского цирка, его творческой жизни.

Композиция романа своеобразна. Рассказ об основных событиях перемежается автор- скими отступлениями-воспоминаниями о тех впечатлениях и наблюдениях, которые помо- гают писателю в работе над цирковой темой.

Одно из таких отступлений, события кото- рого относятся к концу двадцатых годов, мы сегодня печатаем.

на водопроводную. А в заключе- ние — сам себе пожарная коман- да — этой же водой тушил пы- лающий огонь.

— В антракте зайдите к Рер- лу, — сказал мне Герцог. — Он бу- дет ждать.

Я зашел (артист жил тут же — в гостинице при цирке) и стал свидетелем редкостного зрелища.

Отворила печальная жена. Доч- ка сделала печальный книксен. Рерл (он сидел за столом) сде- лал жест, означавший: «Прошу по- дождать!» И вернулся к ужину.

Нет, это было не только ужи- ном. Это было единовременным и массированным суточным насыще- нием. Мне никогда не приходило видеть, чтобы человек, — к тому же весьма тщедушной комплек- ции, — мог одновременно погло- тить такое количество пищи: за- пеканку, гигантский бифштекс, го- ру картофеля, сладкий пудинг. В дальнейшем я знал, что в течение суток артист может позволить себе одну-единственную трапезу, и то лишь вечером, сразу после вы- ступления: к следующему дню пищеварительный тракт должен быть освобожден.

Итак, Рерл насыщался, усердно и сосредоточенно, будто выполняя нелегкую работу. Жена и дочь убирали одни тарелки, придвигали другие. Наконец, отодвинувшись от стола, Рерл обратился ко мне:

— Прошу извинять... Господин Герцог обещал ваша помощь!

Назавтра, заняв место в одном из первых рядов партера, я стал ожидать той минуты, когда Гер- цог обратится к зрительному залу: «Нет ли желающих помочь руки? Ганс Рерл охотно предо- ставляет эту возможность каждо- му!»

Желающих, как правило, не на- ходилось: кому охота мыть руки водой, побывавшей в желудке? Руки мыл я. Это я, громко изъ- явив желание, перешагивал барьер и выходил на середину манежа, где был приготовлен таз, а рядом стоял униформист с мылом и по- лотенцем. Я протягивал руки, ли- лась тепловатая вода, и я нето- ропливо мылся (неторопливо, что- бы дать возможность Рерлу ме- нять фигуру и напор струи).

Вскоре затем я понадобился ил- люзионисту Аркофу. Этот артист был прямой противоположностью Рерлу: упитанный, розовощекий, экспансивный в каждом движении. При нем партнерша — миловидная женщина в легком газовом платье, поверх которого был повязан ми- ниатюрный кружевной передничек.

В плаще на белой шелковой подкладке, цилиндр чуть набок, в зубах сигара, Аркоф выходил, напевая что-то под нос, — ни дать ни взять гуляка из какой-нибудь оперетты Кальмана. Навстречу — горничная с подносом в руках. Предлагает освежиться бокалом воды.

— Воды? — усмехается Аркоф. —

В ту пору ре- жиссером — ин- спектором Ленинград- ского цирка был Вла- димир Евсеевич Гер- цог. Вероятно, многие еще помнят его, неиз- менно подтянутого, торжественно зыч- ным голосом объяв- ляющего номера. Я любил наблюдать за Владимиром Евсееви- чем в последние минуты перед на- чалом представления. О, эти по- следние минуты!

Герцог зорко оглядывает уни- форму, уже построенную для выхода, артистов, тут же совер- шающих последнюю разминку. И, наконец, убедившись, что все в по- рядке, — не отводя глаз от левой руки, в ладони которой зажаты карманные часы, — Герцог (никогда не глядя, но безошибочно) правой рукой тянется к кнопке звонка — дает знак оркестру.

О, эти последние минуты! Сверх звонким водопадом — раскат оркестра. Из-под занавеса форган- га — яркий отблеск разом вспых- нувших над манежем ламп. И вот раздвигается занавес, парадным строем идет униформа. Еще мгнове- ние — и появится сам Герцог. Каждый раз, когда я наблюдал эту церемонию, мне казалось, что в ладони Герцога зажаты не ча- сы, а некий удивительный меха- низм, позволяющий с предельной точностью управлять темпом пред- ставления, ритмом, в котором че- редуются номера, даже зритель- ным залом с его восторгом, изум- лением, взрывами смеха, заворо- женной тишиной.

Ну, а моя роль была неизмери- мо скромнее. Я представлял собой театральную лабораторию Инсти- тута истории искусств, по ее зада- ниям занимался учетом реакций зрителя. Из вечера в вечер, воору- жась тетрадкой и карандашами, я садился в уголок директорской ло- жи и, строго руководствуясь де- тально разработанной шкалой (ап- лодисменты, возгласы, смех про- сто, смех, переходящий в хохот, и так далее), фиксировал, как при- нимает зритель программу.

В директорской ложе было удоб- но, уютно, она солидно возвыша- лась над центральным входом в зал. И все же мне мечталось о другом. Мне хотелось ближе со- прикоснуться с закулисной жиз- нью, с артистами, их работой. Вот почему в те дни, когда меня как учетчика подменяли, я всеми правдами и неправдами стал про- никать за кулисы.

Униформа косилась на меня и, вероятно, в конце концов изгнала бы — в цирке праздных наблюдате- лей недолюбливают. Но тут-то мне и пришел на помощь Влади- мир Евсеевич. Герцог стал опека- ть меня, знакомить с цирковым иску- ством, делиться собственным бога- тым опытом.

Как-то раз я признался, что меч- таю принести цирку хоть какую- нибудь реальную пользу:

— Неужели, Владимир Евсеевич, для меня не может найтись дела?

— Молодой человек! — подумав, серьезно ответил Герцог. — Ваше стремление благородно, и потому я постараюсь пойти навстречу. Как вы относитесь к тому, чтобы быть полезным в качестве...

Я слушал, затаив дыхание, гото- вый на все.

Точно предлагая великодушней- ший дар, Герцог патетически за- кончил фразу:

— В качестве «подсадки»!

Здесь читатель может спросить, что же такое «подсадка»? Не со- бираюсь подробно раскрывать цир-